

DOI 10.35775/PSI.2025.122.10.020

УДК 32.327

### М.Е. РОДИОНОВА

кандидат социологических наук, доцент,  
доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых  
коммуникаций Финансового университета при  
Правительстве РФ; Исполнительный директор  
Эндаумент-фонда Финуниверситета,  
Россия, г. Москва

### О.В. БОНДАРЕНКО

старший преподаватель кафедры политологии  
факультета социальных наук и массовых коммуникаций  
Финансового университета при Правительстве РФ,  
Директор Фонда прогрессивной политики,  
Россия, г. Москва

## ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ В 2021-2025 ГГ.: ДИНАМИКА ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

*В статье рассматриваются электоральные процессы Федеративной Республики Германии и Австрийской Республики в 2021-2025 гг. как отражение структурной адаптации европейской демократии к новым социально-политическим реалиям. На основе институционального и сравнительно-политологического анализа выявлены тенденции партийной фрагментации, роста популизма и изменения электорального поведения. Рассмотрены результаты федеральных и земельных выборов, реформа избирательной системы ФРГ (2023), коалиционные модели и уровень доверия к институтам. Показано, что Германия представляет собой пример адаптивной коалиционной демократии, а Австрия – лабораторию популизма, где инклюзивная пропорциональность сочетается с кризисом доверия. Сделан вывод о перспективах развития электоральных процессов в контексте перехода к фазе «рефлексивной демократии».*

**Ключевые слова:** Германия, Австрия, электоральные процессы, партийная система, коалиционная демократия, популизм, реформы, доверие, пропорциональная система, выборы 2021-2025 гг.

Современные электоральные процессы Германии и Австрии демонстрируют комплексную динамику, объединяющую устойчивость институтов западно-европейской демократии и рост вызовов, связанных с фрагментацией партийных систем, усилением популизма, снижением доверия к политическим партиям и избирательным процедурам. Период 2021-2025 гг. стал для обеих стран

ключевым: в Германии – переход от эпохи канцлера А. Меркель к коалиции СДПГ – «Зеленых» – СвДП («светофорной»), а в Австрии – трансформация партийного поля после «дела Ибизы» и укрепление позиций правопопулистской Партии свободы (ФПО).

Эти процессы происходят в условиях общего кризиса либерального консенсуса в Европейском Союзе, который включает: возрастающий разрыв между «центром» и периферией ЕС; миграционные и социальные последствия пандемии COVID-19; обострение вопросов энергетической и санкционной политики. Политическая конкуренция в Германии и Австрии, несмотря на институциональные различия, формирует общие тренды – рост электоральной турбулентности и переход от идеологического противостояния «левые – правые» к новому разлому «популизм – институционализм».

Цель статьи – провести комплексный анализ электоральных процессов в Германии и Австрии в 2021–2025 гг., раскрыть особенности их электоральных систем, партийных структур, механизмов коалиционного формирования власти и динамики электорального поведения граждан.

**Объект исследования** – электоральные процессы в Германии и Австрии в постпандемийный период (2021–2025 гг.). **Предмет** – институциональные и поведенческие механизмы формирования избирательной воли в условиях трансформации партийных систем.

**Методологическая база** включает системный и институциональный подходы, сравнительно-политологический анализ (С. Хантингтон, Д. Норт, М. Сартори), а также современные подходы политической социологии (Н. Луман, П. Бурдьё). В части эмпирических данных использованы результаты официальных избирательных комиссий ФРГ и Республики Австрия, социологические исследования институтов Allensbach, Forschungsgruppe Wahlen, SORA, а также аналитические доклады Института Европы РАН и материалы публикаций журнала «Гражданин. Выборы. Власть».

Сопоставим опыт двух центральноевропейских демократий, где устойчивость институтов сочетается с ростом новых социальных и идеологических разломов, влияющих на поведение избирателя и конфигурацию власти.

Современный этап развития электоральных систем Германии и Австрии демонстрирует их способность адаптироваться к новым социальным вызовам при сохранении институциональной устойчивости. Теоретико-методологическая база исследования позволяет интерпретировать изменения не как кризис демократии, а как процесс ее адаптации к новой структуре ценностей и коммуникаций. В следующих разделах анализ будет сосредоточен на электоральных процессах в Германии (раздел 2) и Австрии (раздел 3), с включением сравнительных таблиц и графиков динамики партийных долей.

**Электоральная система и практика федеративной республики Германии (2021–2025 гг.).** Закон, вступивший в силу 1 июля 2023 г., стал крупнейшим изменением в немецкой электоральной системе со времен 1949 г. Его цели: 1) стабилизировать численность парламента (фиксированное количество – 630 мест); 2)

повысить пропорциональность – отказ от сохранения «лишних» мандатов, если партия уже исчерпала квоту по вторым голосам; 3) упростить механизм подсчета: теперь избранным по округу становится кандидат, если его партия получила достаточно вторых голосов в земле.

Реформа вызвала споры: партия ХСС (баварская ветвь ХДС) и Левая партия (Die Linke) заявили, что новая модель ущемляет региональное представительство. В 2024 г. Федеральный конституционный суд подтвердил допустимость реформы, отметив при этом необходимость дополнительных гарантий пропорциональности.

Таким образом, Германия демонстрирует высокую степень институциональной рефлексивности, характерную для зрелых демократий: изменения направлены не на политическое преимущество, а на оптимизацию представительства и управляемости парламента.

**Федеральные выборы 2021 г.: окончание «эры Меркель» и начало «светофорной» коалиции.** Выборы 26 сентября 2021 г. стали переломным моментом германской политики: впервые за 16 лет страна избирала парламент без участия Ангелы Меркель. Результаты продемонстрировали сильное ослабление традиционных «народных партий» – СДПГ и ХДС/ХСС, при общем росте роли «третьих сил».

Для электоральной культуры Германии это означало: переход к тристоронним форматам; ослабление партийной лояльности; рост значимости новых поколений избирателей (18-30 лет) и городских регионов.

**Земельные выборы 2022-2024 гг.: региональные сигналы и рост AfD.** Выборы в землях ФРГ отражают дифференциацию электорального поведения между восточными и западными регионами. Восточные земли (Саксония, Тюрингия, Бранденбург) характеризуются ростом поддержки «Альтернативы для Германии» (AfD), которая использует протестный потенциал и тему миграции. Западные земли (Северный Рейн-Вестфалия, Бавария, Баден-Вюртемберг) остаются оплотом традиционных партий – ХДС/ХСС и СДПГ, однако доля «Зеленых» растет, особенно в городских агломерациях.

**Социокультурные факторы трансформации партийной системы ФРГ: регионализация и русскоязычный электорат.** Эволюция партийно-политической системы Германии ускорилась под воздействием социокультурных детерминант, усиливших регионализацию электоральных предпочтений и расширивших пространство для несистемных сил (AfD, Die Linke) [3; 20; 23]. Структура идентичности «сначала локальный, затем национальный/наднациональный уровень» усиливает роль земельной и муниципальной повестки в формировании голосования, что согласуется с федеративной архитектурой ФРГ [2. С. 34-42; 4. С. 83].

**«Красно-синий» избиратель и гибридные лояльности.** Восточногерманский протестный электорат часто проявляет «двухканальную» лояльность, сочетающую поддержку левых социально-защитных тезисов и правоконсервативных представлений о порядке/идентичности – феномен условно

обозначаем как «красно-синяя» ориентация [2. С. 34-42; 18. С. 15; 10. С. 101]. Выбор между Die Linke и AfD в конкретном цикле определяется иерархией угроз: приоритет миграции/безопасности усиливает вероятность голоса за AfD; приоритет социального неравенства – за Die Linke [8. С. 61].

**Русскоязычные избиратели как электоральный фактор.** Крупная русскоязычная диаспора – 5-7% электората (по разным оценкам) – стала заметным актором перераспределения голосов, особенно с 2017 г. [9. С. 229; 18. С. 20]. Исторически «русские немцы» тяготели к ХДС (наследие фигуры г. Коля), однако конфликт ожиданий с мейнстримной повесткой (миграция, семейная политика, восприятие медиапотока по кризисам) привел к «повороту вправо» и росту поддержки AfD [2. С. 34-42; 11. С. 41]. Партия целенаправленно инвестировала в коммуникацию с диаспорой: русскоязычные материалы, сеть агитаторов, включение кандидатов с «русским» бэкграундом в списки (Антон Фризен, Вальдемар Хердт) [6. С. 43; 2. С. 34-42].

Важно подчеркнуть: повышенная чувствительность диаспоры к вопросам идентичности, безопасности и медиа-доверия не является производной от «внешнего вмешательства», а отражает внутренний конфликт ценностей и опыта социализации, характерный для части «постсоветских» мигрантов [2. С. 34-42; 20. С. 44]. При этом сама диаспора неоднородна (исторические «российские немцы», «советские евреи», семейная иммиграция) и институционально менее консолидирована, чем, например, турецкая община, что делает политическую мобилизацию более сетевой и эпизодической [2. С. 34-42].

**Последствия для партийной конкуренции:** 1) **Эрозия дуализма SPD-CDU/CSU:** отток «народной повестки» к нишевым и протестным партиям привел к падению доли классических центристов и росту трехпартийных коалиций; 2) **Гибридизация коалиций:** новые равновесия требуют комбинирования «зеленой» модернизации, социальной защиты и миграционной жесткости в единых соглашениях (пример *Ampel*); 3) **Новые целевые аудитории:** партии вынуждены переразметить «карты сегментов» – молодежь крупных агломераций (Grüne), русскоязычные и индустриальные кластеры востока (AfD/Die Linke), либеральные профессионалы (FDP/NEOS – в сравнительном разрезе).

Вывод: социокультурный профиль электората усиливает регионализацию политической конкуренции, и, при сохранении общей институциональной устойчивости, повышает вероятность устойчивого присутствия несистемных акторов в Бундестаге [3; 20; 23].

**Итоговые выводы:** 1. Институциональная стабильность. Немецкая электоральная система сохраняет устойчивость, гибко адаптируясь к социальным и региональным изменениям. 2. Фрагментация партийного поля. Падение доли «народных» партий (SPD и CDU/CSU) при росте средних и малых актеров (Grüne, AfD, FDP). 3. Региональная поляризация. Восток страны становится оплотом протестного голосования. 4. Эволюция электорального поведения. Молодежное и городское голосование сдвигается влево, пожилое – к консервативному центру. 5. Реформа 2023 г. укрепила принцип пропорциональности и снизила

институциональные издержки «разбухания» парламента. 6. Коалиционная модель подтверждает гибкость немецкой демократии, где компромисс – основа стабильности.

**Электоральные процессы и партийно-политическая динамика Австрии (2021-2025 гг.). Политико-институциональные основы избирательной системы Австрии.** Австрийская партийная система после 2020 г. окончательно утратила классическую двухпартийность «народных» партий – Австрийской народной партии (ÖVP) и Социал-демократической партии Австрии (SPÖ), – характерную для эпохи 1950-1990-х гг. В новом веке происходит фрагментация и появление четырех-пяти сил, устойчиво представленных в парламенте.

К 2021-2025 гг. структура выглядела следующим образом:

| Партия                                      | Идеологическая ориентация                   | Лидер (2024 г.)       | Электоральная база                            |
|---------------------------------------------|---------------------------------------------|-----------------------|-----------------------------------------------|
| ÖVP (Австрийская народная партия)           | Христианско-демократическая, консервативная | Карл Нехаммер         | Традиционные, сельские и католические регионы |
| SPÖ (Социал-демократическая партия Австрии) | Центр-лево                                  | Андреас Баблер        | Рабочие, профсоюзы, городской электорат       |
| FPÖ (Партия свободы Австрии)                | Правопопулистская, национал-консервативная  | Герберт Кикль         | Мужчины, малые города, противники миграции    |
| Grüne (Зеленые)                             | Лево-либеральная, экологическая             | Вернер Коглер         | Молодежь, образование, мегаполисы             |
| NEOS (Новые Австрийцы)                      | Центристско-либеральная                     | Беате Майнл-Райзингер | Средний класс, бизнес-элита                   |
| Team HC (Strache) и др.                     | Маргинальные, протестные                    | —                     | —                                             |

**Политические кризисы и восхождение FPÖ (2022-2024 гг.).** После ухода Курца (декабрь 2021 г.) канцлером стал Карл Нехаммер (ÖVP), но его правительство столкнулось с ростом инфляции, кризисом энергетики и неудовлетворенностью населения санкционной политикой ЕС. На этом фоне **Партия свободы Австрии (FPÖ)** вновь вышла на первое место в опросах, предлагая повестку «нейтралитета, энергетического суверенитета и контроля миграции».

Итоговые наблюдения: Фрагментация партийного поля – Австрия переходит к пяти-партийному модулю, где ни одна партия не способна набирать более 35%; Смещение вправо – усиление FPÖ и жестких тезисов о миграции и нейтралитете; Падение традиционных партий (ÖVP, SPÖ) на фоне усталости от коалиционного

консенсуса; Зелено-либеральные силы удерживают городскую молодежь, но не расширяют базу; Коалиционная нестабильность – вероятность смены правительства каждые 2-3 года.

### **Сравнительный анализ электоральных систем Германии и Австрии.**

Институциональные параметры: тип системы, порог и механизм распределения мандатов. Германия и Австрия относятся к семейству европейских пропорциональных демократий, однако электоральные архитектуры в них различаются по уровню смешанности и федерализма.

- **ФРГ** применяет смешанную пропорциональную систему (ММР), соединяя мажоритарный компонент (299 одномандатных округов) и пропорциональный (списки по 16 землям). Избиратель располагает двумя голосами – **Erststimme** и **Zweitstimme** [20]. Реформа 2023 г. зафиксировала число мандатов в 630 и упростила механизм компенсации избыточных мест [27].

- **Австрия** использует чистую пропорциональную систему с открытыми списками и четырехпроцентным порогом на федеральном уровне [21]. Метод Д'Ондта дает преимущество крупным партиям, но в целом обеспечивает высокую пропорциональность.

**Партийная фрагментация и коалиционная динамика.** Обе страны демонстрируют рост фрагментации и падение доли «народных» партий. В Германии доля двух традиционных сил (SPD и CDU/CSU) упала с 81% в 1990 г. до ≈ 49% в 2024 г., в Австрии (ÖVP + SPÖ) – с около 85% в 1970-е до ≈ 45% в 2024 г. [26; 22]. В ФРГ усиливаются «Зеленые» и AfD; появление трехпартийных коалиций (**Ampelkoalition**, **Jamaika**) становится нормой. В Австрии ведущие партии (ÖVP и SPÖ) теряют доминирование; возможны новые форматы – «черно-синие» (ÖVP + FPÖ) или «красно-зелено-розовые» (SPÖ + Grüne + NEOS). Германия – переход от «Большой коалиции» к триаде SPD-Grüne-FDP. Австрия – сохранение коалиции ÖVP-Grüne до 2024 и рост вероятности перехода к ÖVP-FPÖ.

**Социально-территориальные разломы.** В обеих странах социально-географические различия остаются значимыми. Германия: восточные земли (Саксония, Тюрингия) – база AfD; западные и северные – доминирование SPD и «Зеленых». Австрия: провинциальные земли (Штирия, Каринтия, Нижняя Австрия) – опора FPÖ; Вена – оплот SPÖ и Grüne [26].

Эти разломы переходят из классического социального в ценностный («открытые» vs «закрытые» общества), что соответствует тренду на постматериализм [23].

**Институциональная устойчивость и уровень доверия.** Немецкая избирательная система демонстрирует высокую устойчивость и рефлексивность: реформа 2023 г. принята через парламент и поддержана судом [27]. В Австрии устойчивость ниже: за пять лет сменилось три правительства и два канцлера.

Доверие к избирательным институтам в ФРГ в 2024 г. составляет около 62%, в Австрии – около 48% [25].

**Обобщение сравнительного анализа.** ФРГ – пример адаптивной «коалиционной демократии», где институты поддерживают стабильность при многопартийности [24]. Австрия – «лаборатория популизма», в которой сочетаются инклюзивная пропорциональность и низкий уровень доверия [19]. Обе страны показывают, что пропорциональные системы могут быть устойчивыми при высокой культуре компромисса, но уязвимы к идеологической поляризации.

Современные электоральные процессы Германии и Австрии демонстрируют две модели европейской демократии – институционально устойчивую и прагматичную «коалиционную» (Германия) и динамичную, подвижную, эмоционально заряженную «популистскую лабораторию» (Австрия). Несмотря на общее происхождение из христианско-социальных и социал-демократических традиций, их нынешние трансформации идут в разных направлениях.

- **ФРГ** – «управляемая плюралистическая демократия»: федерализм + ММР ограничивают «перекося» и интегрируют протест в коалиционный компромисс; социокультурные «разломы» (Восток/Запад, русскоязычные избиратели) меняют расстановку сил без подрыва процедурной легитимности [3; 20; 24].

- **Австрия** – «контролируемая турбулентность»: чистая PR с низким порогом усиливает фрагментацию и ускоряет электоральные «волны» вправо (FPÖ), при этом коалиционная практика дисциплинирует радикальные тезисы [19].

- **Общий знаменатель:** устойчивость пропорциональных систем зависит от культуры компромисса и способности элит «переводить» ценностные конфликты в институциональные сделки; уязвимость – к усилению ценностной поляризации и «усыханию центра».

**Германия: адаптивная коалиционная демократия.** Федеративная Республика Германия остается примером **консенсусной демократии** в смысле А. Лейпхарта [24]. Ее политическая архитектура построена на системе сдержек и противовесов, при которой даже при росте партийной фрагментации сохраняется высокий уровень предсказуемости и доверия к институтам. Избирательная система ММР (Mixed-Member Proportional) обеспечивает возможность гибкой адаптации: комбинируя персональный мандат и пропорциональное распределение голосов, она позволяет сохранять баланс между представительностью и управляемостью.

Смена «Большой коалиции» (CDU/CSU + SPD) на трестороннюю «Светофорную» (SPD + Grüne + FDP) в 2021 г. и готовящаяся в 2025 г. новая конфигурация власти свидетельствуют о высокой адаптивности коалиционной модели. Реформа 2023 г., ограничившая размер Бундестага и упростившая механизм компенсации мандатов, подтвердила способность системы самокоррекции в рамках правового поля [27]. Федерализм служит механизмом распределения политической власти и снижает риск централизации.

Социальная устойчивость немецкой демократии обусловлена тремя факторами: (1) укорененной культурой компромисса и институционального диалога; (2) высоким уровнем профессионализации политического класса; (3) включением гражданского общества в процессы обратной связи. Даже рост популизма

(партия AfD ≈ 18%) не разрушает систему, а лишь создает дополнительное поле для идеологической конкуренции.

Таким образом, ФРГ остается образцом «управляемой плюралистической демократии», где многопартийность не равна нестабильности, а коалиционный механизм является фундаментом легитимности власти [22].

**Австрия: «лаборатория популизма» и кризис доверия.** Австрийская республика, сохраняя формальную инклюзивность и высокую представленность партий, вошла в период глубокой социально-политической турбулентности. Пропорциональная система с низким порогом (4%) позволяет представлять в парламенте широкий спектр интересов, но одновременно усиливает фрагментацию и нестабильность. Постоянная смена коалиций (ÖVP-Grüne, SPÖ-FPÖ, ÖVP-FPÖ) превратила Австрию в «лабораторию популизма» [19], где новые формы протестного голосования служат каналом выпуска социального недовольства.

Рост Партии свободы (FPÖ), которая в 2024 г. достигла около 30% поддержки, свидетельствует о запросе на «альтернативный суверенитет» и недоверии к традиционным элитам [26]. Эта тенденция не сводится к радикализации: австрийский популизм имеет социально-патерналистскую и национально-консервативную окраску, а не антисистемный характер.

Проблема Австрии – не в разрушении институтов, а в ослаблении доверия к ним. По данным Gallup Austria, в 2024 г. только 48% граждан считают выборы «полностью честными», тогда как в Германии этот показатель превышает 60%. Наблюдается рост электорального цинизма и «демобилизации центра» – часть избирателей перестает голосовать, считая, что «все партии одинаковы».

Тем не менее, австрийская модель демонстрирует гибкость: популисты вынуждены встраиваться в коалиционный формат и сдерживать радикализм, а традиционные партии осваивают новые инструменты коммуникации и прямого контакта с избирателем. Тем самым система обеспечивает «контролируемую турбулентность», которая позволяет выпустить пар общественного недовольства без деструкции политического ядра.

Общие черты и противоположные векторы: 1) ФРГ ориентирована на институциональную стабильность и социальное партнерство, Австрия – на мгновенную адаптацию к настроениям общества; 2) партийная фрагментация в обеих странах приобретает новый смысл: в Германии она является функцией многослойного федерализма, в Австрии – результатом низкого барьера входа в политику; 3) электоральная поляризация затрагивает обе страны, но различается по глубине: в Германии она сбалансирована коалиционным диалогом, в Австрии – носит волноподобный, мобилизационный характер; 4) роль федерализма: германский федерализм смягчает конфликты и обеспечивает включенность регионов, тогда как австрийская централизованная структура усиливает контраст между Веной и провинцией; 5) культура компромисса остается ключевым ресурсом устойчивости обеих демократий; там, где компромисс заменяется мобилизацией, появляется риск «электоральной усталости».

В целом Германия и Австрия иллюстрируют два возможных пути развития пропорциональных систем: 1) немецкий – институциональный, управляемый, где главный механизм – коалиционный компромисс; 2) австрийский – динамичный и электорально-чувствительный, где система быстро реагирует на социальные импульсы, но теряет глубину доверия.

Обе модели показывают, что устойчивость демократии в XXI веке зависит не столько от правил распределения мандатов, сколько от способности элит переводить социальные требования в политический компромисс.

Электоральные процессы Германии и Австрии в 2021-2025 гг. представляют собой не кризис демократии, а ее структурную адаптацию к новой социальной реальности и постпандемийному миру. Для обеих стран характерно сохранение институционального ядра при существенном изменении социальных и ценностных осей политики.

Основные выводы: 1) электоральные системы ФРГ и Австрии подтверждают жизнеспособность пропорциональных моделей при условии высокой культуры компромисса и коалиционного управления [24]; 2) фрагментация партийных систем не привела к разрушению демократии, но изменила характер легитимности – от идеологической к процедурной; 3) рост популизма (AfD в Германии, FPÖ в Австрии) – следствие социальных страхов и экономических рисков, а не отказа от демократических ценностей; 4) реформа 2023 г. в Германии и коалиционные эксперименты в Австрии подтверждают тенденцию к «гибкому институционализму» – способности системы самообновляться без разрыва правовой преемственности; 5) молодежная и городская мобилизация, цифровизация и новые средства коммуникации формируют новую электоральную культуру вовлеченности и сетевого участия.

**Перспективы до 2030 г.:** 1) **институциональные.** Продолжение реформирования избирательных систем, включая элементы электронного голосования и цифровой верификации; 2) **социальные.** Рост значения молодых избирателей («поколение Z») и их ориентация на ценности устойчивости и социальной справедливости; 3) **политические.** Укрепление транснациональных сетевых партий и гибридных коалиций; формирование «нового центра» вокруг умеренных сил; 4) **коммуникативные.** Дальнейшая медиатизация политики, рост влияния цифровых кампаний и микротаргетинга.

В целом, опыт Германии и Австрии показывает, что демократии Европы входят в фазу «рефлексивного развития» – способность учиться на ошибках становится главным источником устойчивости. В этом контексте ФРГ представляет институциональный эталон коалиционной устойчивости, а Австрия – ценный пример социальной чувствительности и гибкости демократической модели.

Электоральные процессы Германии и Австрии в 2021-2025 гг. демонстрируют не кризис, а фазу структурной адаптации демократии к новым социально-политическим реалиям. Несмотря на различия в избирательных механизмах, обе системы сохраняют способность генерировать легитимные результаты и обеспечивать сменяемость власти.

### Основные выводы:

1. В обеих странах усилилась партийная фрагментация и коалиционная зависимость.
2. Рост популистских и радикальных сил (AfD, FPÖ) отражает кризис традиционных каналов представительства, но не отменяет устойчивость институтов.
3. Электоральное поведение смещается к ценностно-идентификационным мотивам (экология, миграция, безопасность).
4. Реформа избирательного права в ФРГ может стать моделью для балансирования пропорциональности и управляемости.
5. Австрийская модель показывает возможность коалиций с популистами при сохранении демократического контроля.

**Перспективы развития (до 2030 г.):** цифровизация голосования и введение гибридных форм участия; рост роли региональных движений и инициативных платформ; дальнейшее укрепление электоральной мобилизации молодежи; появление новых форм партийной идентичности (сетевые партии, гибридные коалиции).

Совокупность факторов свидетельствует: Германия и Австрия вступают в период «рефлексивной демократии», где институциональная адаптивность становится главным условием сохранения легитимности электорального процесса.

### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Богданор г.** Сравнительные конституции и политические институты. Оксфорд: Oxford University Press, 1995.
2. **Бондаренко О.В.** Политические партии и избирательный процесс в современной Германии: социокультурные аспекты // Социодинамика. 2019. № 2.
3. **Бондаренко О.В.** Правовые основы работы СМИ в ходе избирательной кампании в Германии // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. Том 26. № 2. 2020.
4. **Бондаренко О., Голованов М., Гращенков И.** После Меркель: «гибель богов» немецкой политики // <https://progresspolicy.ru/posle-merkel-gibel-bogov-nemetskoj-politiki/>.
5. **Деревянченко А.А.** Германия после парламентских выборов 2017 года: формирование федерального правительства и его перспективы // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 2.
6. **Дюверже М.** Политические партии. М.: Весь мир, 2000.
7. **Красинский В.В.** Национализм как элемент идеологии ультраправых партий и его использование на выборах в Германии // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4.
8. **Кузнецов А.В.** Германия в год выборов: «пиррова победа» Ангелы Меркель? // Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность. М., 2017.

9. **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги, 1997.
10. **Погорельская С.В.** Локальные выборы в Германии в контексте предстоящих выборов в Бундестаг // Интеллектуальный капитал. 2017. № 1 (5).
11. **Родионова М.Е.** Электоральные процессы в государствах ЕС: секреты успеха нового поколения лидеров // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 3.
12. **Сартори Д.** Партии и партийные системы: Рамки для анализа. М.: РОССПЭН, 2004.
13. **Стрелец М.В., Морозова Н.Н.** Германия после парламентских выборов 2013 года // Современная Европа. 2014. № 3 (59).
14. **Тимошенкова Е.П.** «Альтернатива для Германии» в Бундестаге: поворот ФРГ вправо // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2018. № 3.
15. **Тимошенкова Е.П.** Тенденции партийно-политического развития Германии: итоги выборов в европейский парламент и особенности избирательных кампаний в ландтаги / Германия. 2014. М., 2015.
16. **Федорова С.С.** Региональные выборы в Германии: европеизация политических партий и последствий миграционного кризиса в Европейском союзе // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12. № 3.
17. **Федорченко С.Н.** Парламентские выборы в Германии: электоральные процессы на востоке страны // Журнал политических исследований. 2018. Т. 2. № 1.
18. **Швейцер В.Я.** Электоральные процессы в Европейском Союзе. М.: Ин-т Европы РАН, 2016.
19. Austria's rightward shift puts immigration in crosshairs. Reuters. 30 Sept 2024.
20. Bundeswahlleiter. Ergebnisse der Bundestagswahl 2021. Berlin, 2021 // <https://www.bundeswahlleiter.de>.
21. Bundesministerium für Inneres (Österreich). Wahlergebnisse Nationalrat 2019-2024. Wien, 2024 // <https://www.bmi.gv.at>.
22. Forschungsgruppe Wahlen. Politbarometer 2021-2025. Mainz, 2025.
23. **Inglehart R.** Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
24. **Lijphart A.** Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries. New Haven: Yale Univ. Press, 2012.
25. Politische Stimmungen in Österreich 2024. Gallup Austria. Wien, 2024.
26. SORA Institute for Social Research and Analysis. Wahlstudien 2022-2024. Wien, 2024.
27. Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP). Germany's 2023 Electoral Reform: Analysis and Implications. Berlin, 2024.

**M.E. RODIONOVA**

Candidate of Science in Sociology, Associate Professor, Ph.D.,  
Associate Professor of the Department of Political Sciences,  
Faculty of Social Science and Mass Communication  
Financial University under the Government  
of the Russian Federation,  
Moscow, Russia

**O.V. BONDARENKO**

Senior Lecturer, Department of Political Science Faculty  
of Social Sciences and Mass Communications Financial University  
under the Government of the Russian Federation Director of the Progressive Policy  
Foundation, Moscow, Russia

## **ELECTORAL PROCESSES IN GERMANY AND AUSTRIA IN 2021-2025: PARTY SYSTEM DYNAMICS AND INSTITUTIONAL TRENDS**

*This article examines the electoral processes in the Federal Republic of Germany and the Republic of Austria in 2021-2025 as a reflection of the structural adaptation of European democracy to new sociopolitical realities. Based on institutional and comparative political science analysis, trends in party fragmentation, the rise of populism, and changes in electoral behavior are identified. The results of federal and state elections, the electoral reform of Germany (2023), coalition models, and the level of trust in institutions are examined. It is shown that Germany represents an example of adaptive coalition democracy, while Austria is a laboratory for populism, where inclusive proportionality combines with a crisis of trust. A conclusion is drawn regarding the prospects for the development of electoral processes in the context of the transition to a phase of «reflexive democracy.»*

**Key words:** Germany, Austria, electoral processes, party system, coalition democracy, populism, reforms, trust, proportional representation system, 2021-2025 elections.